

Разработка конструктивистских моделей социального пространства стала важным шагом на пути к переосмыслению самого предмета социальной науки в контексте методологических, технологических и коммуникативных трансформаций, которым подверглось социальное существование человека во второй половине XX в.

Список литературы

1. Луман Н. Теория общества. Общество как социальная система. М., 2004. 304 с.

2. Урри Дж. Мобильности. М., 2012. 576 с.
3. Сорокин П.А. Человек. Цивилизация. Общество. М., 1992. 543 с.
4. Бурдьё П. Практический смысл. М., 2001. 288 с.
5. Аникин Д.А. Социальная память как символический капитал // Научные ведомости БелГУ. Сер. Философия. Социология. Право. 2013. № 9, вып. 24. С. 282–288.
6. Верлен Б. Общество, действие и пространство. Альтернативная социальная география // Социологическое обозрение. 2001. Т. 1, № 2. С. 26–47.

Topology of Social Space: from Geography to Social Philosophy

D. A. Anikin

Saratov State University
83, Astrakhanskaya, Saratov, 410012, Russia
E-mail: dandee@list.ru

The purpose of article is consideration of methodological transformation of the concept «social space» of a context of social and philosophical thought of the XX century. Withdrawal from an initial identification of physical space and social space is considered, drafts of the spatial analysis of the society, developed by P. Bourdieu and B. Verlen are analyzed. P. Bourdieu considers social space as set of the positions taken by certain individuals, and correlation of these positions is defined not only the objective public relations, but also mental designs of individuals. B. Verlen, being guided by M. Weber, chooses as an initial element of social space not the individual, and single social action. Analyzed concepts became an important step on a way to possibility of display in spatial coordinates of difficult and multilevel structure of modern society.

Key words: social space, topology, methodology, social action, social memory.

References

1. Luhmann N. *Theory of Society. Society as social system*. Stanford, 1997. 288 p. (Russ. ed.: Luhmann N. *Teoriya obshchestva. Obshchestvo kak sotsialnaya sistema*. Moscow, 2004. 304 p.)
2. Urry J. *Mobilities*. Cambridge, 2007. 564 p. (Russ. ed.: Urry J. *Mobilnosti*. Moscow, 2012. 576 p.)
3. Sorokin P. A. *Chelovek. Tsivilizatsiya. Obshchestvo* (Person. Civilization. Society). Moscow, 1992. 543 p.
4. Bourdieu P. *Practical Reason: On the Theory of Action*. Stanford, 1998. 282 p. (Russ. ed.: Bourdieu P. *Prakticheskiy smysl*. Moscow, 2001. 288 p.)
5. Anikin D.A. *Sotsialnaya pamyat kak simvolicheskiy kapital* (Social memory as symbolical capital). *Nauchnyye vedomosti BelGU. Seriya: Filosofiya. Sotsiologiya. Pravo*. (Scientific sheets of BELGU. Series: Philosophy. Sociology. Right), 2013, № 9, vyp. 24, pp. 282–288.
6. Verlen B. *Society, action and space*. London, 1993. 202 p. (Russ. ed.: Verlen B. *Obshchestvo, deystviye i prostranstvo. Alternativnaya sotsialnaya geografiya*. *Sotsiologicheskoye obozreniye*, 2001, vol. 1, no. 2, pp. 26–47).

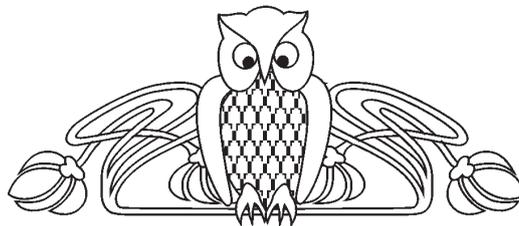
УДК 1(09)

МОДЕЛИ ФИЛОСОФСКОГО ОСМЫСЛЕНИЯ ПСИХИЧЕСКОГО ЗАБОЛЕВАНИЯ

Билибенко Ангелина Владимировна

аспирант кафедры философии,
Курский государственный университет
E-mail: abilibenko@gmail.com

В статье рассматриваются модели философского осмысления психического заболевания, предложенные в рамках междисциплинарных движений и теорий XX в. Анализируются идеи Л. Бинсвангера, Р. Лэйнга, М. Фуко и др., выделяются экзистенциально-феноменологическая, социальная и эпистемологическая модели философской концептуализации психического заболевания. Делается вывод, что во всех трех моделях пси-

хическое заболевание становится своеобразным феноменом, посредством которого анализируются экзистенциальная подоснова бытия, общество, история, т.е. методологическим инструментом, вспомогательной стратегией исследования. Дискурс психической болезни становится, таким образом, не только естественно-научным психиатрическим, но и философским, общегуманитарным.

Ключевые слова: экзистенциально-феноменологическая психиатрия, антипсихиатрия, эпистемология, психическое заболевание.

В XX в. психиатрия в поисках продуктивных концепций обращается к философии, формируя новые и нетрадиционные для нее теоретические модели психического заболевания. Так, на место биологических теорий приходят экзистенциальные и социальные, антропологические и историко-эпистемологические. Яркими примерами взаимодействия становятся те теории, в которых совмещается несколько подобных моделей. Среди важнейших из них можно назвать экзистенциально-феноменологическую психиатрию, антипсихиатрию, эпистемологические штудии М. Фуко, структурный психоанализ Ж. Лакана и другие идеи и концепции. В движении от человека к обществу, а затем и к истории психиатрия предлагает самобытные варианты философского истолкования не только психического заболевания, но и антропологических, социальных и исторических феноменов.

У истоков философского поворота в психиатрии XX в. стоит швейцарский психиатр Людвиг Бинсвангер [1, с. 327–442]. Главной его целью на протяжении всего творчества был поиск нового теоретического основания для психологии и психиатрии как наук о человеке [2]. Он понимал, что для преодоления кризиса в психологии необходимо сочетать специализированный подход с философским видением проблемы, что обусловило его обращение к различным философским концепциям. Поворот к М. Хайдеггеру, произошедший в 1930-е гг., стал центральным этапом его творчества и способствовал развитию самобытного подхода к целостному пониманию индивида. В статье «Аналитика существования Хайдеггера и ее значение для психиатрии» Бинсвангер пишет: «Указанием на базисную структуру экзистенции как бытия-в-мире Хайдеггер дает в руки психиатра ключ, с помощью которого он способен, будучи свободным от предрассудков любой научной теории, принимать и описывать исследуемые им феномены в их полном внутреннем содержании» [3, с. 61].

При попытке объяснения внутреннего мира больных Бинсвангер приходит к выводу о его различии с миром психически здоровых людей по критериям восприятия времени, аппрезентации тела и др., что способствует его обращению к хайдеггерианскому понятию бытия-в-мире, которое являет собой целостность и связность бытия человека. Но, поскольку Dasein-анализ «видит свою задачу в исследовании личности и ее мира еще до всякого разделения на болезнь и здоровье» [4, с. 13], он становится, в первую

очередь, методом исследования феномена опыта и бытия-в-мире, заменяя понятия «болезнь» и «отклонение» особым способом конституирования мира [5]. Бинсвангер утверждает, что люди, которым общество навязало статус психически больных, всего лишь конституируют свой мир отличным от общепринятого способом, отказываясь от своей определенности, и пребывают в состоянии «неподлинности», формируя завершенную, статичную действительность, идеализированный мир. Именно поэтому он отказывается от понятия болезни, утверждая, что шизофрения представляет собой особый структурный и динамический порядок человеческого существования [4, с. 217].

Рональд Лэйнг, будучи последователем Бинсвангера, переходит от теории внутрличностного опыта к теории межличностной коммуникации. Он отказывается от стандартной клинической практики, воспринимая больного шизофренией как личность, наделенную собственными переживаниями и собственной экзистенцией, вследствие чего переосмыслиется и само понятие «болезнь». Теперь оно трактуется как способ бытия-в-мире, взаимодействия с другими и самим собой. Важнейшее место в концепции Лэйнга занимает понятие «онтологической защищенности» [6]. Его основания закладываются в раннем детстве в результате восприятия себя и мира в качестве живого и реально существующего. Данное образование именуется Лэйнгом первичной онтологической безопасностью, суть которой состоит в формировании стабильной структуры бытия с пластичной надстройкой личности (именно так происходит у здорового человека). Шизоидное же состояние основано на обратных характеристиках: фундамент становится гибким, а личностная надстройка жесткой. На вопрос о том, почему происходит этот сбой, Лэйнг ответа не дает.

Учёный уделяет особое внимание исследованию процесса коммуникации между психотиком и другими, что позволяет ему не только отразить специфику переживания бытия онтологически неуверенной личностью, но и показать разницу между восприятием других подобной личностью и восприятием друг друга психически здоровыми людьми [7]. В результате, Лэйнг, обращаясь к понятию психической болезни, признает существование людей со специфическими параметрами пространства опыта, внутренний мир которых, сконструированный крайне оригинальным образом, оказывает влияние на способ их взаимодействия с окружающими. При этом специфичность данного способа, на его взгляд, вовсе не свидетельствует о патологии, поскольку нормальность личности, с его точки зрения,

определяется, главным образом, способностью воспринимать другого в рамках принятого в конкретном обществе стандарта, определяющего степень схожести индивидов.

Социальная антропология болезни, сформированная Лэйнгом, его соратниками и последователями в рамках антипсихиатрии, становится связующим звеном, системообразующим элементом философского дискурса психического заболевания. Она развивает достижения экзистенциально-феноменологической психиатрии и расширяет их до социально-антропологической теории, закладывая основания для выстраивания эпистемологической перспективы.

Антипсихиатрическое движение (Р. Д. Лэйнг, Д. Купер, Т. Сас, Ф. Базалья и др.), заимствуя методы экзистенциального психоанализа, в первую очередь, призывает к свободному самоопределению человека в рамках личностной экзистенции. С их точки зрения, отсутствует разница между психическим заболеванием и нормальным состоянием человека, поскольку под безумием представители антипсихиатрии понимают не предостановленные стандарты поведенческих реакций, а стремление индивида выйти за пределы навязанных обществом штампов. Но, помимо попыток постижения человека, антипсихиатрия осуществляет и попытку революции в области общественного устройства путем тотальной критики государственных структур и отношения к психической болезни как репрессируемой патологии. Антипсихиатры выступают против современного им отношения к душевнобольным как со стороны государства, так и со стороны общества. Они придерживаются позиций экзистенциального марксизма, воспринимая общество как результат отчуждения, а больного как человека, наделенного отличной от формируемого стандарта мировоззренческой позицией [8].

Руководствуясь данными принципами, итальянский психиатр Франко Базалья, работая на должности директора психиатрической больницы в Триесте, начинает деятельность по преобразованию клиник как социальной институции, окончательной его целью является их ликвидация. В результате его решительных действий закон «О психиатрической помощи» (1904), в котором психическое заболевание определялось в категориях опасности для окружающих, был заменен на закон № 180 (1978) «О психиатрической реформе», согласно которому клиника как тотальная институция была упразднена. Психиатрические лечебницы в Италии были повсеместно заменены Центрами психической помощи, отношение к больному поменялось с субъект-объектного на субъект-субъектное.

Конечно, социальная антропология болезни, развитая антипсихиатрией, содержит провокативные элементы и во многом спорна, однако она объединяет достижения нескольких наук и открывает междисциплинарные перспективы не только в понимании психического заболевания, но и в исследованиях человека и общества, феноменов власти и принуждения. Проблема социального в этой перспективе осмысливается по-новому.

Социально ориентированные идеи антипсихиатров оказываются созвучны идеям Мишеля Фуко, продолжившего социальную критику психического заболевания и развившего ее в эпистемологические исследования феномена безумия и практики изоляции безумцев. Тема болезни занимает одно из центральных мест в работах Фуко: она буквально пронизывает все его творчество, зачастую выступая в качестве призмы, взглянув через которую, философ осмысливает не только остальные интересующие его темы (например, проблемы власти и знания), но и проявления жизни в целом.

В работе «Психическая болезнь и личность» Фуко стремится осмыслить внутреннее измерение болезни, выявляя наиболее глубокие структуры осознания себя и мира, и переходит к внешним условиям болезни, стремясь проследить смысл отчуждения в исторической перспективе. Основываясь на работах И.П. Павлова, он выдвигает еще одну трактовку понятия болезни, согласно которой она есть форма адаптации индивида к непреодолимым противоречиям внешней среды, т.е. одна из форм защиты от диалектических конфликтов [9, с. 29]. В данной работе Фуко впервые приводит довольно четкую классификацию типов восприятия безумия: 1) безумец как одержимый (до конца XVII в.); 2) безумец как безрассудный, помешанный (XVII–XVIII вв.); 3) безумец как лишенный ума и прав (XVIII–XIX вв.); 4) безумец как отчужденный и чужак как сумасшедший (XIX–XX вв.). Впоследствии это многообразие дополнится в «Истории безумия» красочным образом «дурака» (предшествует представлениям о безумце как об одержимом) и образом «психически больного», тесно связанным с понятием клинической практики (помещается после сумасшедшего).

Эти ранние эпистемологические идеи Фуко развивает в своей более известной книге «История безумия в классическую эпоху», в которой выстраивает целостную эпистемологию психического заболевания. «История безумия» представляет собой работу, задуманную с целью описать психическую болезнь как процесс непрерывного отчуждения. А. В. Дьяков отмечает: «Оригинальность подхода Фуко <...> заключается в том,

что он предлагает рассматривать становление безумия в классическом (и постклассическом) психиатрическом дискурсе» [10, с. 81]. В этой книге Фуко прослеживает становление форм и опыта безумия на примере изгнания из общества, породившего практику изоляции, в ходе которой «...изолировали не каких-то “чужих”, которых не распознавали раньше просто потому, что к ним привыкли, – чужих создавали, искажая давно знакомые социальные обличья, делая их странными до полной неузнаваемости» [11, с. 91]. В стремлении выяснить способ и критерии отчуждения Фуко рассматривает безумие в его исторической перспективе, неразрывно связанной с реалиями и дискурсом конкретной эпохи. Тем самым он отходит от ранней феноменологической направленности и предстает перед нами как структуралист.

Для самого Фуко практика изоляции не только помогает проследить становление форм опыта безумия, но и в какой-то мере формирует этот опыт. Отсюда следует необходимость рассмотрения истоков ее зарождения и процесса становления. Возникая в связи с появлением проказы, на его взгляд, практика изоляции наделяется рядом символических значений, которые позднее в истории переносятся на фигуру безумца, позволяя сохранить как обычай исключения из общества, так и его структуру: «Все формы этого исключения сохраняются, хоть и наполняются, в рамках совершенно иной культуры, совсем новым смыслом...» [11, с. 15].

Развитие представлений о безумии и эволюцию сущности данного феномена в работе Фуко можно проследить поэтапно. Сначала безумие воспринимается в качестве полновластного господства глупости (Средневековье), затем оно получает возможность высказывания и, будучи услышанным, – культурно-символическое измерение, облекаясь в слова и образы, превращаясь в языковой опыт (Возрождение). Наконец оно погружается в пучину безмолвия, попадая в сферу исключенности. Предпосылками этого служат как развитие философской мысли в целом, исключившее феномен безумия и его проблематику из рассмотрения (в качестве наиболее яркого примера можно привести Декарта, стоявшего в этом вопросе на позициях рационализма и наглядно доказавшего, что разум и неразумие не могут сосуществовать, поскольку безумие есть невозможность мыслить), так и социально-экономические реалии. Дело в том, что практике изоляции с ее четкой структурой и репрессивным механизмом предписывалось не только обеспечить надзор за огромным количеством бесприютных безумцев и разношерстных маргинальных элементов (включив их в мир социума и правопорядка), но

и пресечь безработицу посредством открытия при госпиталях и домах призрения мелких производств.

Исходя из выстроенной Фуко эпистемологии, безумие в классическую эпоху представляет собой изнанку разума и становится настоящей проблемой – как философской, так и медицинской. Философия стремится выяснить природу разума и отграничить его от неразумия, отделить рациональное от иррационального. Эта тенденция приводит к объединению сфер разума и рациональности. Безумец начинает восприниматься как человек, разум которого совмещен с неразумием. Начинает формироваться новый образ безумца: размытый благодаря практике изоляции, он вбирает в себя все признаки неразумия, что приводит к характерной для всего XVIII в. ситуации: безумец мгновенно вычисляется на основе своей инаковости. Он – другой, причем его чужеродность выведена исходя более из интуиции, чем из логики.

Завершая эпистемологическую систему, Фуко приходит к выводу, что изначально в самом понятии безумия была заключена безграничная свобода, являвшаяся неотъемлемым атрибутом существования безумца, но в классическую эпоху четко обозначается противоречивость этой свободы. Причем процесс освобождения безумцев не снимает это противоречие, а усиливает его, поскольку, заключив свободу в рамки структуры, он не оставляет от нее ничего кроме иронии. Формальное освобождение безумцев приводит к тому, что они получают ограниченную свободу в замкнутом пространстве лечебницы, однако лишаются собственной воли, перенесенной на желания врача и в них же отчужденной. Получив возможность высказывания, безумие выявляет истину о человеке, чем изменяет взгляд на собственную сущность. В безумии больше не угадываются очертания зверя, но виден искаженный лик человека. Безумие становится объектом познания и, сталкиваясь с незаинтересованным взглядом другого, высвечивает свою истину. Оно не есть отсутствие разума, но противоречие в нем.

В целом, обобщив проанализированные идеи и концепции, можно выделить модели философского осмысления психического заболевания в междисциплинарных направлениях XX в.

Экзистенциально-феноменологическая модель психического заболевания развивается в рамках экзистенциально-феноменологической психиатрии. Она включает онтологическую реабилитацию психического заболевания (вводит психическое заболевание в дискурс философии) и развивает экзистенциальную теорию, в рамках

которой психическое заболевание понимается как результат изменения пространственных и временных ориентиров, трансформации оснований человеческого бытия. *Социальная модель* психического заболевания формируется в рамках антипсихиатрии, и в ней развивается социальная антропология болезни. Сущность психического заболевания понимается с социальных позиций как маргинальность и несоответствие общепринятым нормам, а практика психиатрической помощи – как практика не лечения, а изоляции. *Эпистемологическая модель* психического заболевания акцентирует историко-культурную трактовку болезни. Психическое расстройство при этом не просто анализируется в ракурсе истории общества и культуры, но посредством этого анализа вскрываются механизмы и основания самой культуры и истории.

Во всех трех моделях психическое заболевание – своеобразный феномен, посредством которого анализируются экзистенциальная подоснова бытия, общество, история, т.е. оно является методологическим инструментом, вспомогательной стратегией исследования. Дискурс психической болезни становится, таким образом, не только естественно-научным психиатрическим, но и философским, общегуманитарным.

Models of Philosophical Reflexion of Mental Illness

A. V. Bilibenko

Kursk State University
33, Radishcheva, Kursk, 305000, Russia
E-mail: abilibenko@gmail.com

The article considers models of philosophical reflexion of the mental illness, offered within the interdisciplinary movements and theories in XXth century. Ideas of L. Binswanger, R. Laing, M. Foucault are analyzed, existential-phenomenological, social and epistemological models of philosophical reflexion of the mental illness are allocated. The author concludes that in all models the mental illness becomes an original phenomenon by means of which are analyzed the existential base of life, society, history, i.e. it becomes the methodological tool, strategy of research. The discourse of mental illness is not only natural-science psychiatric discourse, but also philosophical discourse.

Key words: existential-phenomenological psychiatry, antipsychiatry, epistemology, mental illness.

References

1. Vlasova O. A. Phenomenologicheskaya psihiatriya i ekzistentsialny analiz; istorya, mysliteli, problemy (Phenomenological psychiatry and existential analysis: history, thinkers, problems). Moscow, 2010. 638 p.
2. May R. The origins and significance of the existential movement in psychology. *Existence*. Eds. R. May, E. Angel, H. F. Ellenberger. New York, 1958, pp. 3–36 (Russ. ed.: Mae R. Istoki ekzistentsialnogo napravleniya v psihologi i ego znachenie. *Ekzistentsialnaya psihologiya*. Ekzistentsiya. Per. s angl. M. Zanadvorova, Yu. Ovchinnikov. Moscow, 2001, pp. 105–140).
3. Rutkevich A. M. *Ot Freyda k Haydeggeru: Kriticheskiy ocherk ekzistentsialnogo psihoanaliza* (From Freud to Heidegger: critical essay of existential psychoanalysis). Moscow, 1985. 175 p.
4. *Being-in-the-World*. Selected papers of Ludwig Binswanger. Trans. and with a Critical Introduction to His Existential Psychoanalysis by J. Needleman. N.Y., 1967. 364 p. (Russ. ed.: Binswanger L. *Bytie-v-mire*. Per. s angl. E. Surpinoy. Moscow, St.-Petersburg, 1999. 299 p.).
5. Binswanger L. The Case of Ellen West. *Existence*. Eds. R. May, E. Angel, H. F. Ellenberger. N.Y., 1958, pp. 237–364 (Russ. ed.: Binswanger L. *Sluchay Ellen Vest*. *Ekzistentsialnaya psihologiya*. *Ekzistentsiya*. Per. s angl. M. Zanadvorova, Yu. Ovchinnikov. Moscow, 2001, pp. 207–228).
6. Laing R. D. *Divided Self*. London, 1960. 240 p. (Russ. ed.: R. D. Laing. *Raskolotoe «Ya»*. St.-Petersburg, 1995. 350 p.).

7. Laing R. D. *Self and Others*. London, 1962. 186 p. (Russ. ed.: R. D. Laing. Ja i Drugie. Per. s angl. E. Zagorodnoy. Moscow, 2002. 178 p.).
8. Vlasova O. A. *Ronald Laing: mezhdru filosofhiey i psihiatriey* (Ronald Laing: between philosophy and psychiatry). Moscow, 2012. 461 p.
9. Foucault M. *Maladie mentale et personnalité*. P., 1954. 113 p. (Russ. ed.: Fuko M. *Psichicheskaya bolezn i lichnost*. Per. s fr., predisl. i komment. O. A. Vlasova, St.-Petersburg, 2010. 318 p.).
10. Dyakov A. V. *Mishel Fuko i ego vremya* (Michel Foucault and his time). St.-Petersburg, 1995. 668 p.
11. Foucault M. *Histoire de la folie à l'âge classique*. P., 1972. 673 p. (Russ. ed.: Fuko M. *Istoriya bezumiya v klassicheskuyu epohu*. Per. s fr. I. K. Staf. Moscow, 2010. 698 p.).

УДК 7.01 + 130.2

ДИАЛОГИЧЕСКАЯ СТРУКТУРА ХУДОЖЕСТВЕННОЙ РЕФЛЕКСИИ

Даренский Виталий Юрьевич

кандидат философских наук, доцент кафедры философии и культуры, Луганский государственный университет внутренних дел им. Э. Дидоренко, Украина
E-mail: darenский@yahoo.com

Статья посвящена анализу диалогических аспектов искусства как важного феномена художественного опыта современного человека. «Диалог» анализируется как фундаментальный принцип взаимоотношений человека и искусства. Концепт «художественной рефлексии» рассматривается как ключ к проблеме диалогической интерпретации произведения. Феномен художественного диалога понимается как единство индивидуального и универсального в художественном опыте. Предложена также концепция содержательных уровней такого диалога как факторов развития личности.

Ключевые слова: диалог, структура, искусство, понимание, рефлексия, опыт.

Современным теоретическим представлениям о сущности искусства и художественного мышления, независимо от их исходных принципов, присущ неустраняемый антиномизм. С одной стороны, искусство понимается как выражение особой «непосредственности» мировосприятия, и именно в этом усматривается специфика художественной модели действительности. С другой стороны, художественная *условность* также понимается как принцип, на котором основан сам способ бытия искусства. Таким образом, художественная реальность есть «обусловленная непосредственность», или непосредственность, выраженная средствами специфической – художественной – условности. Процесс, при котором в сознании совмещаются и непосредственное отображение-переживание реальности, и отображение этого отображения, т.е. осознание форм, в которых происходит последнее, традиционно определяется как рефлексия. Анализ специфики художественной рефлексии может рассматриваться как особое преломление парадигмы неклассической рациональности в исследованиях природы искусства, тем самым

представляя собой актуальную проблему современной эстетики.

Способы понимания теоретической рефлексии феномена искусства достаточно четко соответствуют трем стадиям научной рациональности [1, с. 612–640]. Если в рамках парадигмы классического рационализма искусство рассматривалось как особая форма чувственного отражения мира, дихотомически противопоставленная рационально-логическому познанию (поэтому уже первое конституирование «эстетики» как особой области исследований у А. Баумгартена происходило в ее противопоставлении «логике» в широком смысле слова), то в рамках парадигмы неклассической рациональности искусство стало возможно рассматривать как особый род познания (а в концепциях романтизма и интуитивизма – даже как более высокий, чем наука), поскольку для этого типа рациональности принципом было признание неизлечимости активности субъекта из результата познавательного акта. Парадигма постнеклассической рациональности распространила этот принцип и на ценностно-мировоззренческие характеристики субъекта. Очевидно, что именно постнеклассическая рациональность максимально соответствует специфике искусства, поскольку в нем гармоническая целостность образа мира всегда была основана на принципе субъект-объектного континуума.

Среди авторов, занимающихся проблемой рефлексивной функции искусства, следует отметить концепцию В. А. Малахова, трактующую сам феномен искусства как «деятельность с культурой, духовно-практическую рефлексивную над ней» [2, с. 131]. Хотя термин «художественная рефлексия» использовался в некоторых